

The background is a painting of a street scene. It features several multi-story buildings with a warm, yellowish-tan color palette. The buildings have arched windows and doorways. Some windows have green shutters, while others are dark. A person in a blue dress is walking on the left, and another person is walking towards the center. The sky is a deep, dark blue. The overall style is expressive and somewhat abstract, with visible brushstrokes.

Мурад Тюлеев

Тримитивы

Стихи-94

Мурат Тюлеев

Примитивы. Стихи-94

«Издательские решения»

Тюлеев М.

Примитивы. Стихи-94 / М. Тюлеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749427-8

Название поэтического сборника «Примитивы» было продиктовано увлечением автора примитивизмом в литературе, в частности, в поэзии. В стихотворениях, составивших книгу, можно обнаружить влияние как российских, так и европейских авангардистов.

ISBN 978-5-44-749427-8

© Тюлеев М.
© Издательские решения

Содержание

«Вот мой протест: поверившим в меня...»	6
«Сиял фонарь. И неба лунный глаз...»	7
«Я вас не просто обожаю...»	8
«В Пишпеке жил шпик – человечешко-пшик...»	9
«Ну, что тебе такого сделать...»	10
«Мной вялая лень овладела, на тело...»	11
«Я неоклассицист. Я реформатор формы...»	12
«Сидел я, ногти подрезал...»	13
«Во мне червоточина, масть моя черви, червяк я...»	14
«Я уже не вернусь в осмысленность...»	15
«Рыжая девочка, что ты наделала...»	16
«Забвения хочу, варения хочу...»	17
«Бабуля всплакнула, припомнив как девкой...»	18
«Вчерашний день в гостях у друга...»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Примитивы
Стихи-94
Мурат Тюлеев**

© Мурат Тюлеев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Вот мой протест: поверившим в меня...»

Вот мой протест: поверившим в меня
готов свинью я подложить с коварством.
Читайте старый стих во славу дня,
ушедшего в таинственное царство.

Теперь ты не услышишь, милый друг,
привычных уху умных изречений.
Теперь дождем отчаянья твой слух
пронзит гирлянда злых стихотворений.

Привет тебе, гнилой примитивист!
Я в зеркало гляжу. Я улыбаюсь.
Был стих мой слабым.
Каюсь, каюсь, каюсь...
Но вот передо мною чистый лист.

«Сиял фонарь. И неба лунный глаз...»

Сиял фонарь. И неба лунный глаз
косил на местность. А в дорожной луже
сидел цыган, одев противогаз.
Подсумок лёгкий был ему не нужен.

Его жена ушла. Сказать нельзя,
что это было драмой. Безвозвратно
катилась жизни легкая стезя,
и не была ни гадка, ни приятна.

Летел кошмар. Болела голова.
Хотелось войн, разрухи и скандала.
Так в нашем сердце теплится всегда
предчувствие вселенского финала.

Когда тебе так тошно, что невмочь,
стихийных бедствий страхи были бы кстати.
Так ярость дня слепую душит ночь,
так дети плачут, прячась под кроватью.

Цыган, уймись. Твоя утихнет боль.
Жена вернётся, и войны не будет.
Но счетчик воздуха уже упал на ноль.
Ты задохнулся. Ты во мраке судеб.

«Я вас не просто обожаю...»

Я вас не просто обожаю,
я обожгу вас и поджарю,
поджарый ангел-лицемер!
Я вас не просто славословлю,
я с вами славой не обмолвлюсь,
словлю и съем другим в пример.

Сказать точнее – в назиданье.
Стихов качнувшееся зданье
в кабину лифта вас вспугнёт.
И обнимая идиота,
«Такая у меня работа», —
ваш рот жеманно вдруг шепнёт.

Я вас не просто понимаю,
я вас как пони запрягаю
в хомут под колесницу лет.
Я вас не просто обретаю,
в оброк боярский забратаю
и в дядин высыплю кисет.

Живите там – до ста и больше!
До ста и горше – вдоволь боли!
Достали вы меня, мадам.
Я вас не просто прогоняю,
я прыгну в вас и обоняю
весь запах ваших прошлых драм!

«В Пишпеке жил шпик – человечешко-пшик...»

В Пишпеке жил шпик – человечешко-пшик.
Он лезвием «шпик» с шиком брил шкуру щёк.
Носил свое прозвище, словно значок,
филёр, шаромыжка, седой старичок.

Пишпек шпилем башен пришпиливал век.
По шпалам шпики щеголяли, шипя,
по запаху «шипра» могли угадать,
по матери кто трогал цареву мать.

И каждый боялся сказать лишку фраз.
В стукачестве шпики входили в экстаз
«Осмелюсь тук-тук доложить тук-тук-тук...»
В охранке делами забит был сундук.

«Ну, что тебе такого сделать...»

Ну, что тебе такого сделать
за то, что ты меня нашла?
Как Эдгар кошку, в стену вделать
иль в гладь французского стола?

Плеснуть в лицо томатный соус,
с ушами утопить в вине?
Желудочным ужалить соком,
послать погибнуть на войне?

Ну что тебе плохого сделать?
Чем отомстить за нежный знак
тебе, хорошенькая стерва,
причина ссор моих и драк!

Ага, придумал наказание,
уж одолеет жуткий страх!
Теперь, иным всем в назиданье —
живи, страдай в моих стихах!

«Мной вялая лень овладела, на тело...»

Мной вялая лень овладела, на тело
одев одеяло, вдовой одолела:
болела, влекла, волокла и волокна
валила снопами, бросая на окна.

Во мне страх и стыд как студёные будни,
бедой обладая, белели как студни,
стадами со студий стекли и столпились,
струей обожжённой в стекле утопились.

Мне женщины-жницы жениться желали,
жгли медленно жизнь и жгутами сжимали,
жалели как будто, будили желанье
сжижали, сжигали, вживляли страданье.

Мной дети довели и долго долбили
о деланье долга, делами давили,
делили делимое, дили другое,
достать умудрились и деть дорогое.

Лень, страх со стыдом, крали крашенной купол,
ребёнок, что сердце когтями нащупал —
за что вы меня, тварь бессильную, бьёте?
Ведь час не ровён – все со мною умрёте!

«Я неоклассицист. Я реформатор формы...»

Я неоклассицист. Я реформатор формы.
Я нормы все презрел. Я обожаю штормы.
Когда меня штормит – стихом блюю,
при этом норовя попасть в струю.

Я бог стиха. Пусть это и нескромно,
но лучше ли молчать, лукавя томно,
подобно девке, что себя красивой мнит,
да вслух о том не говорит?

И если я поэт, пусть знают все,
что стих мой в демонической красе
похож на огненный цветок,
и пламенем поджечь бы даже море смог!

«Сидел я, ногти подрезал...»

Сидел я, ногти подрезал.
Вдруг ноготь вон из рук пропал.
Я долго беглого искал,
но он и вправду убежал.

Ему лишь ведомым путём
он пересёк проспект и, глуп,
попал одной синьоре в суп.
На мне висит холодный труп.

«Во мне червоточина, масть моя черви, червяк я...»

Во мне червоточина, масть моя черви, червяк я.
Во мне обалдение, я не балда, но балдею.
Во мне обожание жабьего обожествленья,
во мне сострадание острову страстного торса.

В тебе покривение рыла, обрыдлая рыба,
в тебе откровение кровли отравленных кровель,
в тебе созерцание сердца сердитой сардины,
в тебе увядание вяленых валенок воли.

Ты скажешь, что я примитивен, ретив и противен,
ты скажешь, что я безобразный, заразный и разный,
ты скажешь, что я безответный, заветный и ватный,
но это всего лишь эмблема, наклейка, афишка.

Зато я скажу: ты ужасная скважина в саже,
зато я скажу: ты противная, втиснута тифом,
зато я скажу: ты громоздкая задом-комодом,
и это тебе не понравится, и не наверно.

«Я уже не вернусь в осмысленность...»

Я уже не вернусь в осмысленность
из своих золотых бессмыслиц,
это щедрые россыпи роз,
незабудок и звёзд.

Это точки из телеграмм,
это взгляды сквозь таинства рам,
это мир, целый мир без упрёков,
без будильников и солнцепёков.

Я уже не вернусь в надёжность
из своей нищеты безодёжной,
там щедрот постоянные суммы
гарантированы для безумных,
для слепых и убогих,
это значит для многих

Я тебя уведу в бессмыслицу,
даже если ты и двусмысленна,
это мной так давно замыслено.
Нас обоих гнетёт осмысленность!

Я тебя унесу в безбедность
в Государство сплошных обедов,
где на первое будут книжки —
дадаисты, обэриуты,
на второе там слёзы мира
из «Досок Судьбы» Велимира.

Там поют безумные волки,
там врезаются в память осколки
незапятнанных кровью двадцатых
и запятнанных красным тридцатых.

Ты пройдёшь по проспекту алому
в Небывалое
и познаешь со мной, счастливая,
Неизбывное.

Только дай мне большое слово,
бесконечно нежное слово,
что уже не вернешься в осмысленность
из моих золотых бессмыслиц.

«Рыжая девочка, что ты наделала...»

Рыжая девочка, что ты наделала,
чёрту кишки завязав в узелки?
Ах, ты, Лилит, ты проказница смелая,
выкати-ка золотые зрачки!

Зелень сукна обожги глазным яблоком,
плесни мне вина и отпей, не вина.
Губы твои пахнут ядом и ягодой,
дай откусить и дыхни на меня.

Чудо проказ и проказа чудесная,
в лузах я вижу влюблённых глаза,
кровь твоя пряная, прелая, пресная,
словно с израненной щёчки слеза.

Кожу морозом дубит моя девочка,
ей ни к чему, ни к чему пояса.
Всё, что ты делаешь, всё, что ни делаешь,
вкусно как с чёрной икрой колбаса!

Все твои полночи – это печёночки,
все твои утра – утраченный ад.
Крошке рогатому выставь пелёночки,
сморщился фиником розовый зад.

Рыжая девочка, дай наслаждения,
муж твой в дежурстве пока у котла
смотрит с улыбкой на чьи-то мучения,
стойкий как кремь и злой как зола.

Шубки твоей мех искристый, оранжевый,
грация узкой ноги хороша.
Жалко, что деньги давно уж просажены,
я б наслаждался тобою, душа.

Рыжая bestия с рыжею мышкою
тихо играет и зыркает вслед.
Игрище это с чертовскими фишками —
только болезнь моя, только мой бред!

«Забвения хочу, варения хочу...»

Забвения хочу, варения хочу,
вареников хочу... И голод мой, и холод,
вы мной повелеваете – я вами не верчу.
Неумолим мой холод, мой голод также долог.

Любви хочу сырой волокнами в зубах,
звезды хочу как сна, а сна как избавленья
от мнящихся красот, от снящегося «ах»,
забвения хочу, как сладкого варенья!

На кухне упаду, сожму в зубах ребро,
изглоданное мной вчера в приливе страсти,
и импульсом ноги помойное ведро
я опрокину вдруг приметую несчастья.

и в волнах нечистот увидев апельсин,
гнилой как женский рот и красный как отмщенье,
воткну в него клыки, как пламя в стеарин,
и получу мгновенье счастливого забвенья!

«Бабуля всплакнула, припомнив как девкой...»

Бабуля всплакнула, припомнив как девкой
влюбилась в проезжего молодца.
Голубеньким взором неопытной девки
стрельнула с резного крыльца.

А мать из-за прялки грозила ей палкой,
отец показал ремешок.
Ни чести, ни порки ей не было жалко,
тянуло девчонку в грешок.

И вот за околицу как окаянная
несется она во весь дух,
плевала, что юбка не стирается рваная,
как придорожный лопух.

А он, ну, конечно, хороший и добрый,
ни слова в упрек не сказал,
а лишь щекотался небритою мордой
и юбки за спину швырял.

Дорога домой после поздних свиданий
ведет на расправу отцовской руки,
а матушка после взамен назиданий
с капустой несет пирожки.

«Вчерашний день в гостях у друга...»

Вчерашний день в гостях у друга
был в целом весел и полезен.
Такого мастера досуга
я не встречал еще на свете.

Сначала я откушал чаю
из серых хвостиков мышиных,
потом в борще души не чаял
из волосков с бород козлиных.

Набив живот таким манером,
мы принялись смотреть картинки,
верней, рентгеновские снимки,
достав альбом из шифоньера.

Улыбки сломанных запястий,
кокетство выбитых суставов
запали в душу мне отчасти,
как совершенная приправа.

Альбом отправивши на место,
мы с другом к щелочке припали:
«Знакомься друг, моя невеста!» —
усы его прощепетали.

Сквозь щелочку виднелась ванна,
где баба толстая купалась,
и упоительно и рьяно
вся в змеях-шлангах извивалась.

Покинув это представление,
мы плавно перешли на кухню,
где ели чудное варенье
из артишоков чуть протухших.

Потом взломали холодильник

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.